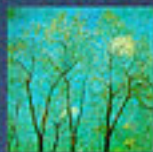

Сонет
Серебряного
века

**Сонет Серебряного века.
Сборник стихов. В 2 томах. Том 1**

«Центрполиграф»

2005

Сонет Серебряного века. Сборник стихов. В 2 томах. Том 1 /
«Центрполиграф», 2005

В первый том сборника сонетов Серебряного века вошли произведения Л. Трефолева, В. Буренина, Н. Минского, И. Анненского, К. Романова, П. Бутурлина, П. Якубовича, С. Надсона, К. Фофанова, Ф. Сологуба, О. Чюминой, В. Иванова, Д. Мережковского, К. Бальмонта, З. Гиппиус, М. Лохвицкой, А. Лукьянова, В. Брюсова, Ю. Балтрушайтиса, Л. Вилькиной, М. Кузмина, В. Бородаевского, И. Бунина.

, 2005

© Центрполиграф, 2005

Содержание

Ренессанс русской поэзии	7
Леонид Трефолев	9
Кри-кри	9
Пушкин и ...Манухин	10
Кровавый поток	10
Океан жизни	11
Виктор Буренин	12
Глубина и благородство воззрений Михневича	12
Современные сонеты	12
I	13
II	13
III	14
IV	14
Кандидат	15
Из цикла Военно-политические отголоски	15
Николай Минский	17
Тишина	18
Ложь и правда	18
Портрет	20
Все	21
Мадригал	21
Поцелуй	22
Треугольник	22
Парижанка	22
Секрет и тайна	23
Иннокентий Анненский	25
1	25
Июль	25
Ноябрь	26
Ненужные строфы	26
Первый фортепьянный сонет	27
Конец осенней сказки	27
2	28
«Парки – бабье лепетанье»	28
Из цикла «Лилии»	28
Второй мучительный сонет	28
Тоска возврата	29
Третий мучительный сонет	29
Второй фортепьянный сонет	30
Из сборника «Кипарисовый ларец»	30
Черный силуэт	30
Перед панихидой	31
Светлый нимб	31
Мучительный сонет	31
Бронзовый поэт	32
Из цикла Трилистник шуточный»	32

Перебой ритма	32
Пэон второй – пэон четвертый	33
Человек	33
Из цикла «Разметанные листья»	34
Месяц	34
Дремотность	34
Второй мучительный сонет	35
ИЗ «Посмертных стихов Иннокентия Анненского»	35
Солнечный сонет	35
Желанье жить	36
Поэзия	36
Из участковых монологов	37
В море любви	38
Константин Романов	39
Петр Бутурлин	40
Могила Шевченко	40
Тайна	41
Пляска смерти	41
Уныние	42
Отзвуки	42
Царевич Алексей Петрович в Неаполе	43
Венере Милосской	44
Серый сонет	44
Сатана	45
Мать Сыра Земля	45
Мерцана	46
Велес	46
Лад	47
Перун	47
Даждь-бог	47
Стрибог	48
Ярило	48
Навий день	49
Солнце и месяц	49
Прометей	49
Японская фантазия	50
Декабрь	50
Наливка	51
К...	51
Андрей Шенья	52
Чехарда	52
Петр Якубович	54
Из Сюлли-Прюдома	54
Затерявшийся крик	54
Раны	55
Крылья	55
Могила	56
На башне	56
Данаиды	56

Из Шарля Бодлера	57
Цыгане в пути	57
Мятежник	57
Великанша	58
Семен Надсон	60
Сонет	60
Константин Фофанов	62
Сонет	62
Сонет	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Людмила Мартянова

Сонет Серебряного века: Сборник стихов: Т. I

Ренессанс русской поэзии

«Ренессанс русской поэзии» – так принято называть тот глубокий эстетический и духовный переворот, который произошел на рубеже XIX—XX столетий в русской словесности. Всплеск идей и художественных форм, характерный для последних десятилетий XIX в. и первых лет века XX, знаменовал собой наступление новой литературной эпохи, получившей в истории литературы уже столь привычное нам имя – Серебряный век русской поэзии.

Новая литературная эпоха удивительно многолика. Влияние самых разных религиозно-философских систем и литературно-эстетических концепций сказалось на величайшем многообразии поэзии рубежа веков. «Скорбные» интонации бесчисленных подражателей С. Надсона, религиозно-философский символизм Д. Мережковского и З. Гиппиус, декадентство с его нравственным релятивизмом, проповедь «новой поэзии» В. Я. Брюсова, теургия и культ мистической любви к «Вечной Женственности» так называемых «младосимволистов» (А. Белый, Вяч. Иванов, А. Блок), позднее «Цех поэтов» и акмеизм и т. д. – все это грани одного времени. Каждый из поэтов Серебряного века явил свой собственный неповторимый поэтический дар.

Но есть черты, в той или иной степени присущие творчеству всех поэтов рубежа столетий, в частности острое ощущение «художественного вещества поэзии» (В. Брюсов), необычайный интерес к поэтической форме и желание ее постоянного обновления. Попыты в области стихораздела, ритмики, метрики, строфики подчас превращались в эксперимент, иногда – в литературные упражнения или литературную игру: В кругу Вяч. Иванова была в ходу ... изысканная игра: поэт, написав сонет, посылал его другому с недописанными строчками, а другой, угадав по ним рифмующиеся слова, отвечал ему «ответным сонетом» на угаданные рифмы¹.

Сонет принадлежит к так называемым «твердым формам» – поэтическим произведениям, построение которых связано с определенными исторически сложившимися правилами строфики и рифмовки. Большинство «твердых форм» (рондо, рондель, триолет, канцона, вилланель, ригурнель, газелла, рубаи, секстина, сонеты разных типов) родом из средневековой западноевропейской или арабо-персидской поэзии, в том числе и «венок сонетов» – форма, которая благодаря своей трудности была особенно популярна. Традиционный сонет состоит из 14 строк – двух четверостиший и двух трехстиший (во французских сонетах) или из трех четверостиший и одного двустишия (в так называемом «шекспировском сонете») с четкой схемой рифмовки строк. В «венке сонетов» 14 стихотворений (по числу строк в сонете) и один «магистрал». Однако многие авторы в своих произведениях пытались избежать однообразия традиционной формы и шли на самые разные изменения обычной схемы. В подобных изменениях, безусловно, сказывается индивидуальность поэта.

Собрание в одной книге поэтических опытов разных авторов в области одной «твердой формы» дает нам своеобразный портрет литературной эпохи – вместе с именами «мэтров» Серебряного века соседствуют имена сравнительно мало известные и совсем неизвестные широкой публике. Некоторые из авторов, чьи произведения представлены в книге, успели

¹ Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С.210.

выпустить всего 1—2 поэтических сборника малыми тиражами и навсегда исчезли с поэтической сцены...

Каждое из литературных направлений в поэзии Серебряного века сопровождалось длинным шлейфом эпигонов и графоманов, «пытавшихся спустить на рынке драгоценную утварь и разменять ее на мелкую монету»². Однако даже и их, казалось бы, незначимое по сравнению с поэзией «корифеев» творчество составляет неотъемлемую часть мира русского поэтического Серебряного века. И пусть современникам иногда приходилось говорить о какофонии в поэзии того времени, тем не менее, эти несколько десятилетий на рубеже веков воспринимаются ныне как единые «буря и натиск», как время, когда поэзия оказалась неразрывно связана с глубоким духовным переворотом, не только с новой эстетикой, но и с «божественным идеализмом» — «вопросами о бесконечном, смерти, о Боге»³.

М. С. Федотова (Егорова)

кандидат филологических наук

² Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. С. 178.

³ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893. С. 42.

Леонид Трефолев

Кри-кри (Всеволоду Леонидовичу Т<рефол>еву)

1

«Дети! возьмите игрушку:
Я подарю вам ее, —
Я подарю вам не пушку
И не стальное ружье...»

– «Пушки и ружья, мы знаем,
Нынче гремят за Дунаем, —
Бой от зари до зари...»

– «Вы же от утра до ночи
Щелкайте, сколько есть мочи,
Щелкайте, дети, кри-кри!»

2

Милое юное племя!
Ты уж заранее знай:
И для тебя будет время —
Видеть широкий Дунай!

Но, голубой, многоводный,
Будет рекой он свободной, —
Светлой дождется зари...
Вам уж не нужны игрушки —
Ружья, солдатики, пушки, —
Щелкайте, дети, кри-кри!

1877

Пушкин и ...Манухин Сонет

«Суровый Дант не презирал сонета!»
(Так Пушкин наш великий возгласил).
«Издания народного поэта
Страх дороги: купить не хватит сил.
Чей это грех? Дождусь ли я ответа?» —
Так юноша издателя спросил.
Издатель же, холодный, словно Лета,
Урядника на помощь пригласил.
«Лови его! Сей юноша зловерный:
Желает он, чтобы народ наш бедный
Над Пушкиным очнулся». Алгвазил
К народу был исполнен состраданья:
На Пушкина перстом он погрозил,
Велев читать... Манухина изданья.

1884

Кровавый поток Сонет

Утихнул ветерок. Молчит глухая ночь.
Спит утомленная дневным трудом природа,
И крепко спят в гробах борцы – вожди народа,
Которые ему не могут уж помочь.

И только от меня сон убегает прочь;
Лишь только я один под кровом небосвода
Бестрепетно молюсь: «Да здравствует свобода —
Недремлющих небес божественная дочь!»

Но всюду тишина. Нет на мольбу ответа.
Уснул под гнетом мир – и спит он... до рассвета,
И кровь струится в нем по капле, как ручей...

О кровь народная! В волнении жестоком
Когда ты закипишь свободно – и потоком
Нахлынешь на своих тиранов-палачей?..

1889

Океан жизни Сонет

Пред нами жизнь – широкий океан
Нежданных бед, тревоги и напастей, —
И, покорясь нам неизвестной власти,
Мы вдаль плывем, окутавшись в туман.

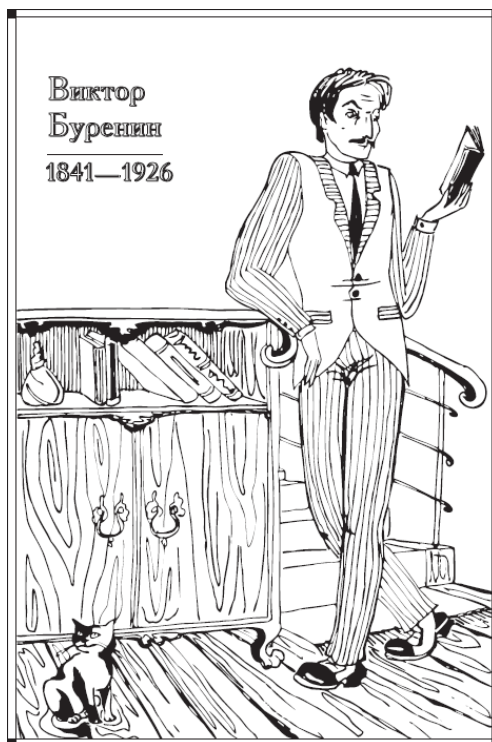
Давно погиб бы в нем я от напасти,
Давно меня умчал бы ураган...
Но мне судьбой хранитель верный дан,
Смиряющий порывы бурной страсти.

С ним не боюсь житейских грозных бурь,
Не утону с ним в безднах океана:
Родной народ мне виден из тумана.

Увижу с ним небесную лазурь...
И, музыкой народных песен полны,
Свободные вокруг меня заплещут волны.

Виктор Буренин

Глубина и благородство воззрений Михневича

Писатель некий, в «Новостях»
Строчивший всякий вздор невинный,
Был у приятеля в гостях
И на столе узрел пятиалтынный,
Который взять он скрытно мог,
Но от греха себя, однако, остерег.
Узнав о факте сем, известный
Фельетонист Михневич молвил так:
«Вы скажете, писатель сей – простак;
А я скажу, что он высоко-честный
И гражданин, и либерал.
Гордиться им должна эпоха:
Пред ним лежал пятиалтынный плохо
И – дивная черта – его он не украл!»

Современные сонеты

*Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Его игру любил творец Макбета;
Им скорбцу мысль Камюэнс облакал.*

И в наши дни пленяет он поэта...

I

Е. Утин Гамбетте

Мы сходны по судьбе, Гамбетта, друг:
Надев перчатки из парижской лайки.
Гремим словами праздными вокруг,
Уподобляясь звонкой балалайке.

Порой кряхтишь ты громко от натуг,
Республики завинчивая гайки,
И я кряхчу, рискуя лопнуть вдруг,
Когда изобличаю вред нагайки⁴.

Ты был когда-то славный адвокат
И пред толпою глупой зауряд
Любил в те дни порисоваться позой.

Я адвокат и ныне и порой,
В моих речах за ложь стою горой,
Но в миг тот мню себя маркизом Позой.

II

Причины грусти В. А. Полетики

О чем грустишь, что мрачен, Полетика?..
Утих азарт за страждущих славян,
Вновь в обществе господствует «клубника»,
Веселый снова властвует канкан.

Теперь орлом в газете полети-ка
И, предка своего приявши сан,
Как архиятер, исцеляй от тика
Морального беспечных россиян...

Но ты молчишь на сей призыв гражданский?..
Иль ты смущен чумою астраханской
И от нее боишься умереть?

Иль недоволен податью акцизной?
– «Ах, нет, не то, – ты молвишь с укоризной:
Три у меня подписчика на треть».

⁴ В сочинении о Болгарии. (Прим. автора.)

III

А. А. Краевскому

По случаю пятидесятилетия «Голоса»

Пятнадцать лет, маститый журналист,
Ты издавал умеренный свой «Голос»;
Внимая за него зоилов свист,
Ты постарел, твой убелился волос.

Но все ж душою, как младенец, чист,
Ты пожинал подписки спелый колос
И выпускал свой ежедневный лист —
И обо всем на том листе мололось!

А лист печатный все переносил:
Болтали в нем, трудясь по мере сил,
Писцов, курьеров министерских стая,

Болтал Бильбасов, Безобразов сам;
И мед статей их лился по усам
У публики, ей в рот не попадая...

IV

Ессе Номо

Брось честный труд, науку, позабуди
Идей свободы пылкие приманки:
Иной есть путь, прекрасный, вольный путь:
Скорей займи кассира место в банке —

И постарайся миллион стянуть...
Тогда пойдут пиры и содержанки,
К тебе начнут аристократы льнуть,
Чтоб им на векселя ты ставил бланки;

И будешь ты и славен, и велик,
И счастье жизни будет не из книг
Твоей душе ликующей знакомо;

И адвокат, судья и прокурор
К тебе преклонят с завистию взор
И прорекут с восторгом: «ессе номо!»

Кандидат

Лихая тройка в ресторан Дорота
Примчала их. Пробравшись в зимний сад,
В уединенье полутемном грота
Они вдвоем, счастливые, сидят.

На столике бутылок строй без счета,
Стаканы влагой золотой блещут.
Она прекрасна, как мечта Эроса,
Он тоже мил: он юный кандидат...

Не на судебное, однако ж, место,
Как думает она, его невеста —
Он кандидат на славную скамью,

Что мы зовем скамьею подсудимых:
Он куш украл, и вот из уст любимых
Внимает он: «За наше счастье пью!»...

Из цикла Военно-политические отголоски

Сонет

Мне снился сон: от края и до края
Европой всей владеют пруссаки
И формируют из людей полки,
Везде порядок мудрый водворяя.

* * *

Вокруг полков свиней толпится стая,
Баранов жирных блещут курдюки;
Профессора пасут их, сквозь очки
По-гречески Гомера разбирая.

* * *

Весь мир цветет: всем смертным почтальоны
Приносят письма в срок, везде вагоны

В назначенные движутся часы,
Ретур-билеты введены повсюду,
И над землей развеян запах чудный
Гороховой берлинской колбасы!

Николай Минский

* * *

Напрасно над собой я делаю усилья,
Чтобы с души стряхнуть печали тяжкий гнет.
Нет, не проходят дни унынья и бессилья,
Прилив отчаянья растет.

Без образов, как дым, плывут мои страданья,
Беззвучно, как туман, гнетет меня тоска.
Не стало слез в глазах, в груди – негодованья.
Как смерть печаль моя тяжка.

И сам я не пойму, зачем, для чьей забавы
Ряжу ее теперь в цветной убор стихов.
Ужель страданьями гордиться я готов?
Ужель взамен я жажду славы?
Как радости людей и скорби их смешны.
Забвенья! Сумрака! Безлюдья! Тишины!..

* * *

Заветное сбылось. Я одинок,
Переболел и дружбой и любовью.
Забыл – и рад забвенью, как здоровью,
И новым днем окрашен мой восток.

Заря! Заря! Проснувшийся поток
Мне голос шлет, подобный славословью.
Лазурь блестит нетронутою новью,
И солнце в ней – единственный цветок.

Сегодня праздник. Примиренный дух
Прощается с пережитой невзгодой.

Сегодня праздник. Просветленный дух
Встречается с постигнутой природой.

Сегодня праздник. Возрожденный дух
Венчается с небесною свободой.

Тишина

Над морем тишина. Вблизи и в отдаленьи,
Перед угрозой тьмы забыв раздор дневной,
Слились пустыня вод с воздушною волной
В объятьи голубом, в безбрежном сновиденьи.

И столько кротости в их позднем примиреньи,
Что берег побежден небесной тишиной
И скалы замерли над синей глубиной,
Как эхо грустных слов, поющих о забвеньи.

И вот зажглась звезда. Быть может, там вдали
Она окружена немолчным ураганом,
Но, разделенная воздушным океаном,
Она – лишь робкий луч для дремлющей земли,

Лишь предвечерний знак, лишь кроткое мерцанье,
Над темной тишиной лучистое молчанье.

Ложь и правда

Давно я перестал словам и мыслям верить.
На всем, что двойственным сознанием рождено,
Сомнение горит, как чумное пятно.
Не может мысль не лгать, язык – не лицемерить.

Но как словам лжеца, прошептанным во сне,
Я верю лепету объятай сном природы,
И речи мудрецов того не скажут мне,
Что говорят без слов дерева, камни, воды.

И ты, мой друг, и ты, кто для меня была
Последней правдою живой, и ты лгала,
И я оплакивал последнюю потерю.

Теперь твои слова равны словам другим.
И все ж глаза горят лучом, земле чужим,
Тебе и мне чужим, горят – и я им верю.

* * *

Он твердою рукой повел смычок послушный,
И струны дрогнули, и замер людный зал.
Разряженной толпе, чужой и равнодушной,
Он в звуках пламенных и чистых рассказал
Души доверчивой все тайны, все печали:
Как страстно он любил, как сильно он страдал,
О чем он на груди возлюбленной мечтал,
О чем в молитвы час уста его шептали.
Он кончил – и похвал раздался плеск и гул.
Художник! Тот же Бог, что в грудь твою
вдохнул
Мелодий сладостных священную тревогу,
Теперь толпе велит беситься и кричать.
Иди: она зовет!—Толпа, и внемля Богу,
Лишь воплями, как зверь, умеет отвечать.

* * *

Я слишком мал, чтобы бояться смерти.
Мой щит не Бог, а собственная малость.
Пытался я бессмертие измерить,
Но сонной мыслью овладела вялость.

Я слишком мал, чтобы любить и верить.
Душе по силам только страсть иль жалость.

Под сводом неба, кажется, безмерным
Я вижу лишь свой труд, свою усталость.

Лежал я где-то на одре недуга.
Мутился ум. И вдруг Она предстала,
Твердя: молись! Я – вечности начало,
Я – ключ всех тайн, порог священный круга.

И я ответил с дрожью испуга:
– Мне холодно. Поправь мне одеяло.

Портрет

Под низким дерзким лбом двойным каскадом
Взметнулся пепел вьющихся кудрей.
Глаза без век, в щелях – глаза зверей —
То жгут холодным непрозрачным взглядом,
То резвым смехом леденят. А рядом
Округлость щек и девственность грудей
Твердят о сне желаний и страстей.
И детский рот не тронут знойным ядом.
Но вот, бледнея, села за рояль.
Преображенье дивно и мгновенно.
Весь мир любви, дотоле сокровенный,
Ей клавиши открыли и педаль.
Душа грозой проснулась в пальцах рук,
Горячей кровью бьет за звуком звук.

* * *

На разных языках, все знаками другими,
Начертана в душе загадка красоты:
Цветами, звуками, отливами мечты.
Но есть один язык, родной между чужими.

То – прелесть женская, то – чарами ночными
Обвеянный чертог любимой наготы.
И на язык родной, на милые черты
Перевожу весь мир и сравниваю с ними.

Весна ль идет в цветах, – ты, женщина-дитя,
Проснулась на заре, смеясь виденьем ночи.
Идет ли осень к нам, – твои я вижу очи,
Под золотом волос поникла ты, грустя.

Доносится ли песнь или звезда мерцает, —
Тебя, одну тебя, душа в них созерцает.

Всем

С улыбкой робости и нежности безмерной,
О, сестры милые, всю жизнь я отдал вам.
Одну из вас любил, кого? – не знаю сам,
Одна из вас, но кто? – душой владела верной.

Не ты ль, бесстрастная, с усмешкой лицемерной,
Не ты ль, невинная, чьи мысли – белый храм,
Не ты ль, беспечная, чей смех – сердец бальзам,
Не ты ль, порочная, с душою суеверной?

Одну из вас любил, но чтоб слова любви
Достигли до нее, я всем твердил признанья.
Но вот приходят дни и близок час молчанья.

Звучи, о песня, ты мой вздох переживи,
Всех воспевай сестер и каждую зови
Любимой, избранной, царицей мирозданья.

Мадригал

Зачем, в своей красе увериться желая,
Глядишь, красавица, в стекло немых зеркал?
Твой образ, чуть уйдешь, бесследно в них пропал,
Твоя соперница тебя сменит, блистая.

В глаза мои взгляни. Восторг их созерцая,
Слезой страстною увлажив их кристалл,
Поймешь, как жгуч твой взор, как ярост уст коралл,
Как царственно сильна твоя краса живая.

Когда же ты уйдешь к поклонникам другим,
Твой образ не умрет в моих глазах влюбленных,
Но в одиночестве, в тиши ночей бессонных
Возникнет в мыслях вновь он, памятью храним.

И все соперницы, в их зависти змеиной,
Не смогут в нем затмить ни черточки единой.

Поцелуй

Когда в карету сев и очутясь вдвоем,
В объятье мы слились ожиданно-нежданном,
Кругом стояла ночь и в небе бестуманном
Чуть дрогнул мрак пред недалеким днем.

Нас мягко вдаль несло невидимым путем,
И поцелуй наш рос в движеньи неустанном.
Закрыв глаза, сплетясь в блаженстве несказанном,
Мы льнули, таяли, жгли жалом, как огнем.

И время замерло, и не было сознанья...
Когда ж вернулась мысль и ожил взор очей,
Дневной струился свет на улицы и зданья.

И верил я, дивясь внезапности лучей,
Что этот свет возник от нашего лобзанья,
Что этот день зажжен улыбкою твоей.

Треугольник

На пламень уст твоих, лобзаньем воспаленных,
Я отвечал иным – и не твоим – устам,
И мой огонь, как день к подводным льнет цветам,
Сжигал меня лучом, уж раньше преломленным.

Сменив восторг стыда восторгом иступленным,
Мы вокруг любви слились, подобны трем звездам.
И тот, кто жег других, сгорал меж ними сам,
И тот, кто разлучал, был сам звеном влюбленным.

Потом настал отлив. Наедине, в тиши,
Познал я ужас, скорбь, но лишь не повседневность.
Пусть Тайну я убил, но рядом с нею Ревность
Лежала мертвою на отмели души.

И, глядя на сестер, – когда-то их невольник, —
В раздумье на песке чертил я треугольник.

Парижанка

Из башмачка с прилипшим мотыльком

В сквозном чулке, прозрачней паутины,
Нога обнажена до половины,
Зовет, манит. Обтянут стан мешком
Без складок. Только над сухим соском
Растреснут шелк в лучистые морщины —
Соском, что, яд вливая в кровь мужчины,
Не вспухнет для ребенка молоком.
Чрез острый вырез слиты грудь и шея.
Лицо – ничье. Под краской рот, алея,
Раскрыт, как стыд. Устремлены в упор
Улыбка белая и черный взор.

Бесплодна. Чужеядна. Орхидея.
Уродство? Красота? Восторг? Позор?

Секрет и тайна

О, сестры! Два плода цветут в запрете:
Секрет и тайна. Разные они.
Секрет от рук людских. В тиши, в тени
Творится то, что жить должно в секрете.

Но луч проник – секрета нет на свете.
Иное – тайна. Богом искони
Раскрытых бездн не осветят огни.
Все тайное таинственней на свете.

О, сестры! Вы любили до сих пор
В секрете, в страхе, прячась в угол дальний,
И ложь оберегала ваш позор.

Раскрыта дверь моей опочивальни.
Люблю в непостижимости лучей
Для чувства тайно, явно для очей.

* * *

Не все ль равно, правдива ты иль нет,
Порочна иль чиста. Какое дело,
Пред кем, когда ты обнажала тело,
Чьих грубых ласк на нем остался след.

Не истину – ее искать напрасно —
Лишь красоту в тебе я полюбил.
Так любим тучи, камни, блеск светил;

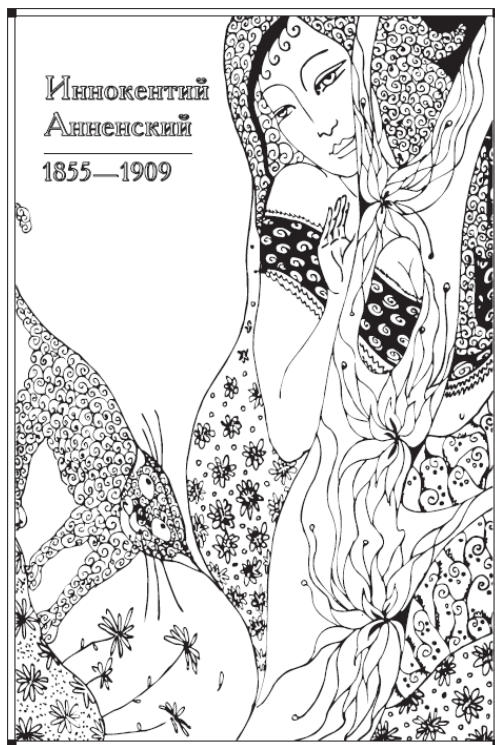
Так море, изменяя, все ж прекрасно.

И как порой, при виде мертвых скал,
Наш дух, почуяв жизнь, замрет в тревоге, —
Так лживый взор твой говорит о боге,
О всем, что в мире тщетно я искал.

И не сотрет ничье прикосновенье
Небесный знак, небес благоволенье.

Иннокентий Анненский

1

Из сборника «Тихие песни»

Июль Сонет

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат демонской игры

За тучей разом потемнелой
Раскатно-гулкие шары,
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;

И цвета старого червонца
Пары сгоняющее солнце
С небес омыто-голубых.

И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

Ноябрь Сонет

Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Все та ж сегодня, что вчера...

Одна утеха, что местами
Налет белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...

Ненужные строфы Сонет

Нет, не жемчужины, рожденные страданьем,
Из жерла черного металла глубина:
Тем до рожденья их отверженным созданиям
Мне одному, увы! известна лишь цена...

Как чахлая листва, пестрима увяданьем
И безнадежностью небес позлащена,
Они полны еще неясным ожиданьем,
Но погребальная свеча уж зажжена.

Без лиц и без речей разыгранная драма:
Огонь под розами мучительно храним,
И светозарный бог из черной ниши храма...

Он улыбается, он руки тянет к ним.
И дети бледные Сомненья и Тревоги
Идут к нему приять пурпуровые тоги.

Первый фортепьянный сонет

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клен бумажные заморозил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мятутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристалльно чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

Конец осенней сказки Сонет

Неустанно ночи длинной
Сказка черная лилась,
И багровый над долиной
Загорелся поздно глаз;

Видит: радуг паутина
Почернела, порвалась,
В малахиты только тина
Пышно так разубралась.

Видит: пар белесоватый
И ползет, и вьется ватой,
Да из черного куста

Там и сям сочатся грозди
И краснеют... точно гвозди
После снятия Христа.

2

Из цикла «Бессонницы»

«Парки – бабье лепетанье»

Сонет

Я ночи знал. Мечта и труд
Их наполняли трепетаньем —
Туда, к надлунным очертаньям,
Бывало, мысль они зовут.

Томя и нежа ожиданьем,
Они, бывало, промелькнут,
Как цепи розовых минут
Между запиской и свиданьем.

Но мая белого ночей
Давно страницы пожелтели...
Теперь я слышу у постели

Веретено – и, как ручей,
Задавлен камнями обвала,
Оно уж лепет обрывало...

Из цикла «Лилии»

Второй мучительный сонет

Не мастер Тира иль Багдата,
Лишь девы нежные персты
Сумели вырезать когда-то
Лилеи нежные листы.

С тех пор в отраве аромата
Живут, таинственно слиты,
Обетованье и утрата
Неразделенной красоты,

Живут любовью без забвенья
Незаполнимые мгновенья...
И если чуткий сон аллея

Встревожит месяц сребролукий,

Всю ночь потом уста лилей
Там дышат ладаном разлуки.

3 февраля 1901

Тоска возврата

Уже лазурь златить устала
Цветные вырезки стекла,
Уж буря светлая хорала
Под темным сводом замерла;

Немые тени вереницей
Идут чрез северный портал,
Но ангел Ночи бледнолицый
Еще кафизмы не читал...

В луче прощальном, запыленном
Своим грехом неотмоленным
Томится День пережитой,

Как серафим у Боттичелли,
Рассыпав локон золотой...
На гриф умолкшей виолончели.

Третий мучительный сонет Строфы

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они – минуты праздного томленья,
Перегоревшие на медленном огне.

Но все мне дорого – туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,
Без плана, вспышками идущее сцепленье:
Мое мучение и мой восторг оне.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудой листов,
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,

Среди неравного изнемогая боя;
Но я люблю стихи – и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.

Второй фортепьянный сонет

Над ризой белою, как уголь волоса,
Рядами стройными невольницы плясали,
Без слов кристальные сливались голоса,
И кастаньетами их пальцы потрясали...

Горели синие над ними небеса,
И осы жадные плясуний донимали,
Но слез не выжали им муки из эмали,
Неопалимою сияла их краса.

На страсти, на призыв, на трепет вдохновенья
Браслетов золотых звучали мерно звенья,
Но, непонятною не трогаясь мольбой,

Своим властителям лишь улыбались девы,
И с пляской чуткою, под чашей голубой,
Их равнодушные сливались напевы.

Из сборника «Кипарисовый ларец»

Черный силуэт Сонет

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, еще дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено;

Пока, прильнув сквозь мерзлое окно,
Нас сторожит ночами тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено, —

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем...
Уж мига нет—лишь мертвый брезжит свет...

А сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идет... и черный силуэт
Заолодел на зеркале гранита.

Перед панихидой Сонет

Два дня здесь шепчут: прям и нем
Все тот же гость в дому,
И вянут космы хризантем
В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир ему,
Но нам-то, нам-то всем,
Иль люк в ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсем?

«Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...»
Слова, слова, слова.
Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поет
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает.

Светлый нимб Сонет

Зыбким прахом закатных полос
Были свечи давно облиты,
А куренье, вьясь, все лилось,
Все, бледнея, сжимались цветы.

И так были безумны мечты
В чадном море молений и слез,
На развившемся нимбе волос
И в дыму ее черной фаты,

Что в ответ замерцал огонек
В аметистах тяжелых серег.
Синий сон благовонных кадил

Разошелся тогда без следа...
Отчего ж я фату навсегда,
Светлый нимб навсегда полюбил?

Мучительный сонет

Едва пчелиное гуденье замолчало,
Уж ноющий комар приблизился, звеня...
Каких обманов ты, о сердце, не прощало
Тревожной пустоте оконченного дня?

Мне нужен талый снег под желтизной огня,
Сквозь потное стекло светящего устало,
И чтобы прядь волос так близко от меня,
Так близко от меня, развившись, трепетала.

Мне надо дымных туч с померкшей высоты,
Круженья дымных туч, в которых нет былого,
Полузакрытых глаз и музыки мечты,

И музыки мечты, еще не знавшей слова...
О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!

Бронзовый поэт

На синем куполе белеют облака,
И четко ввысь ушли кудрявые вершины,
Но пыль уж светится, а тени стали длинны,
И к сердцу призраки плывут издалека.

Не знаю, повесть ли была так коротка,
Иль я не дочитал последней половины?..
На бледном куполе погасли облака,
И ночь уже идет сквозь черные вершины...

И стали – и скамья и человек на ней
В недвижимом сумраке тяжеле и страшней.
Не шевелись – сейчас гвоздики засверкают,

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет,
С подставки на траву росистую спрыгнет.

Из цикла Трилистник шуточный»

Перебой ритма Сонет

Как ни гулок, ни живуч – Ям —
– б, утомлен и он, затих

Средь мерцаний золотых,
Уступив иным созвучьям.

То-то вдруг по голым сучьям
Прозы утра, град шутих,
На листы веленьем щучьим
За стихом поскачет стих.

Узнаю вас, близкий рампе,
Друг крылатых эпиграмм, Пэ —
– она третьего размер.

Вы играли уж при мер —
– цаньи утра бледной лампе
Танцы нежные Химер.

Пэон второй – пэон четвертый Сонет

На службу Лести иль Мечты
Равно готовые консорты,
Назвать вас *вы*, назвать вас *ты*,
Пэон второй – пэон четвертый?

Как на монетах, ваши стерты
Когда-то светлые черты,
И строки мшистые плиты
Глазурью льете вы на торты.

Вы – сине-призрачных высот
В колодце снимок помертвелый,
Вы – блок пивной осатанелый,

Вы – тот посыльный в Новый год,
Что орхидеи нам несет,
Дыша в башлык, обледенелый.

Человек Сонет

Я завожусь на тридцать лет,
Чтоб жить, мучительно дробя
Лучи от призрачных планет
На «да» и «нет», на «ах!» и «бя»,

Чтоб жить, волнуясь и скорбя
Над тем, чего, гляди, и нет...
И был бы, верно, я поэт,
Когда бы выдумал себя.

В работе ль там не без прорух,
Иль в механизмах есть подвох,
Но был бы мой свободный дух —

Теперь не дух, я был бы бог...
Когда б не *пиль* да не *тубо*,
Да не *тю-тю* после *бо-бо!*..

Из цикла «Разметанные листы»

Месяц

*Sunt mihi bis septem*⁵

Кто сильнее меня – их и сватай...
Истомились—и все не слились:
Этот сумрак голубоватый
И белесая высь...

Этот мартовский колющий воздух
С зябкой ночью на талом снегу
В еле тронутых зеленым звездах
Я сливаю и слить не могу...

Уж не ты ль и колдуешь, жемчужный,
Ты, кому остальные ненужны,
Их не твой ли развел и ущерб,
На горелом пятне желтосерп,

Ты, скиталец небес празднодумый,
С иронической думой?..

Дремотность Сонет

В гроздьях розово-лиловых
Безуханная сирень
В этот душно-мягкий день

⁵ Мои дважды семь (*лат.*).

Неподвижна, как в оковах.

Солнца нет, но с тенью тень
В сочетаньях вечно новых,
Нет дождя, а слез готовых
Реки – только литься лень.

Полусон, полусознание,
Грусть, но без воспоминания,
И всему простит душа...

А, доняв ли, холод ранит,
Мягкий дождик не спеша
Так бесшумно барабанит.

Второй мучительный сонет

Вихри мутного ненастья
Тайну белую хранят...
Колокольчики запястья
То умолкнут, то звенят.

Ужас краденого счастья —
Губ холодных мед и яд
Жадно пью я, весь объят
Лихорадкой сладострастья.

Этот сон, седая мгла,
Ты одна создать могла,
Снега скрип, мельканье тени,

На стекле узор курений
И созвучье из тепла
Губ, и меха, и сиреней.

ИЗ «Посмертных стихов Иннокентия Анненского»

Солнечный сонет

Под стоны тяжкие метели
Я думал—ночи нет конца:
Таких порывов не терпели
Наш дуб и тополь месяца.

Но солнце брызнуло с постели

Снопом огня и багреца,
И вмиг у моря просветлели
Морщины древнего лица...

И пусть, как ночью, ветер рыщет,
И так же рвет, и так же свищет,—
Уж он не в гневе божество.

Кошмары ночи так далеки,
Что пыльный хищник на припеке —
Шалун – и больше ничего.

Желанье жить Сонет

Колокольчика ль гулкие пени,
Дымной тучи ль далекие сны...
Снова снегом заносит ступени,
На стене полоса от луны.

Кто сенинкой играет в тристене,
Кто седую макушкой копны.
Что ни есть беспокойные тени,
Все кладбищем луне отданы.

Свисту меди послушен дрожащей,
Вижу – куст отделился от чащи
На дорогу меня сторожить...

Следом чаща послала стенанье,
И во всем безнадежность желанья:
«Только б жить, дольше жить, вечно жить...»

Поэзия Сонет

Творящий дух и жизни случай
В тебе мучительно слиты,
И меж намеков красоты
Нет утонченной и летучей...

В пустыне мира зыбко-жгучей,
Где мир – мираж, влюбилась ты
В неразрешенность разнозвучий
И в беспокойные цветы.

Неощутима и незрима,
Ты нас томишь, боготворима,
В просветы бледные сквозя,

Так неотвязно, неотдуманно,
Что, полюбив тебя, нельзя
Не полюбить тебя безумно.

* * *

Нет, мне не жаль цветка, когда его сорвали,
Чтоб он завял в моем сверкающем бокале.
Сыпучей черноты меж розовых червей,
Откуда вырван он... что может быть мертвей?

И нежных глаз моих миражною мечтою
Неужто я пятна багрового не стою,
Пятна, горящего в пустыне голубой,
Чтоб каждый чувствовал себя одним собой?

Увы, и та мечта, которая соткала
Томление цветка с сверканием бокала,
Погибнет вместе с ним, припав к его стеблю,
Уж я забыл ее – другую я люблю...
Кому-то новое готовлю я страданье,
Когда не все мечты лишь скука выжиданья.

Из участковых монологов Сонет

ПЕро нашло мозоль... К покою нет возврата:
ТРУдись, как А-малю, ломая А-кростих,
ПО ТЕМным вышкам... Вон! По темпу пиччикато...
КИдаю мутный взор, как припертый жених...

НУ что же, что в окно? Свобода краше злата.
Начало есть... Ура!.. Курнуть бы... Чирк – и пых!
«ПАРнас. Шато»? Зайдем! Пст... кельнер! Отбивных
МЯсистей, и флакон! ...Вальдшлесхен? В честь соб-брат

Тьфу... Вот не ожидал, как я... чертовски – ввысь
К НИзинам невзначай отсюда разлетись
ГАЗелью легкою... И где ты, прах поэта!..

Эге... Уж в ялике... Крестовский? О це бис...
ТАбань, табань, не спи!
О «Поплавке» сонета
.....
(Петру Потемкину на память книга эта.)

1909

В море любви Сонет

Душа моя оазис голубой.
Бальмонт

Моя душа – эбеновый гобой,
И пусть я ниц упал перед кумиром,
С тобой, дитя, как с медною трубой,
Мы все ж, пойми, разъяты с целым миром.

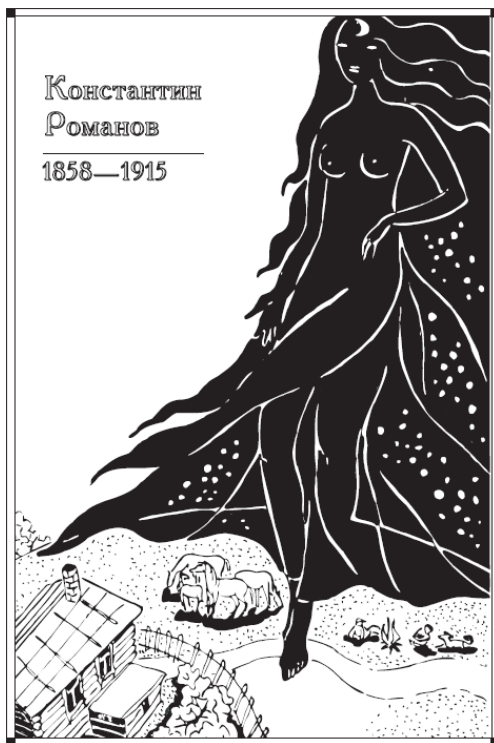
О, будем же скорей одним вампиром,
Ты мною будь, я сделаюсь тобой,
Чтоб демонов у Яра тешить пиром,
Будь ложкой мне, а я тебе губой...

Пусть демоны измаялись в холере,
Твоя коза с тобою, мой Валерий,
А Пантеон раскрыл над нами зонт,

Душистый зонт из шапок волькамерий.
Постой... Но ложь – гобой, и призрак —
горизонт.
Нет ничего нигде – один Бальмонт.

Константин Романов

* * *

За день труда, о, ночь, ты мне награда
Мой тонет взор в безбрежной вышине,
Откуда ты глядишься в душу мне
Всей красотой нетленного наряда.

В сиянии твоём – что за услада,
И что за мир в отрадной тишине!
Я признаю в сердечной глубине
Власть твоего чарующего взгляда.

Цари, о ночь, и властвуй надо мной,
Чтоб мне забыть о суете земной,
Пред тайною твоей изнемогая,

И немощным восхитив к небесам,
Окрепнувшим верни, о неземная,
Меня к земле, заботам и трудам!

Петр Бутурлин

Могила Шевченко

Над степью высится гора-могила.
С землею в ней опять слилось земное,
И лишь в ее незыблемом покое
Покой нашла измученная сила.

Но песнь законы смерти победила
И страстная, как ветер в южном зное,
Векам несет то слово дорогое,
Которым прошлое она бодрила.

Склони чело, молись, пришлец случайный!
Душе легко от радости свободной,
Хотя от слез здесь тяжелеют вежды.

Кругом – синеющий раздол Украины,
Внизу – спокойный Днепр широководный,
Здесь – крест, здесь – знак страданья
и надежды.

5 сентября 1885. Канев

Тайна

Есть в жизни каждой тайная страница,
И в каждом сердце скрыто привиденье,
И даже праведник, как бы во тьме гробницы,
Хранит в душе бывшее угрызенье.

Хоть быстрых лет исчезла вереница,
Хоть победило наконец забвенье
И чувства давние, дела и лица
Поблекли в вихре новых впечатлений —

Но все же иногда тот призрак дальний,
Неведомым послушный заклинаньям,
На миг живой из сердца воскресает;

Не грозный, не укорный, лишь печальный,
Уже не в силах он карать страданьем,
Но как он мстит! Как совесть он пугает!

1887

Пляска смерти

Я видел грозный сон. Не знаю, где я был,
Но в бледной темноте тонул я, словно в море;
И вот, как ветра вой, как шум от тысяч крыл,
Зачался странный гул и рос в немом просторе,—

И вмиг вокруг меня какой-то вихорь плыл,
Кружился в бешеном чудовищном задоре...
То были остовы. Казалось, всех могил
Все кости тут сошлись в одном ужасном сборе!

О, этот прах!.. Он жил!..
Все ближе и быстрее Меня он обвивал, и дикий, страшный хохот
Порывами звенел над звяканьем костей.

Вдруг голос прозвучал, как грома резкий грохот:
«Пляши, о смерть! Ликуй! Бессмертна только ты!..»
И я тонул один в разливе темноты.

1890

Уныние

Бывают дни, когда в душе усталой
Все вымерло, – как в час очарованья,
Меж черной ночью и зарею алой,
Стихает мир без тьмы и без сиянья.

В те дни нет хмеля радости удалой,
Печали нет во мне, как нет желанья,
И сказкою докучливой и вялой
Звучат уму припевы упованья.

О, если б смерть холодными устами
Моих горячих уст тогда коснулась,
Отдал бы равнодушно я лобзанье!

И даже не жалел бы в миг прощанья
О том, что жизнь моя тянулась,
Для всех ненужной, долгими годами.

1890

Отзвуки

Я чувствую, во мне какой-то отзвук спит;
Он разуму смешон, как детское мечтанье,
Как сказочных времен неясное преданье...
А, разуму назло, порою он звучит!

Так в раковине звон далеких волн сокрыт:
Прилива вечный гул и бури рокотанье
Меж стенок розовых слились в одно шептанье,
Но вся стихия там воскресшая шумит.

Мы слышим этот шум – нет! этот призрак
шума! —
И в душных комнатах, среди дымных городов,
К безбрежью синевы мгновенно мчится дума.

Надежды мертвые счастливейших годов,
Ваш отзвук никогда среди темных треволнений
Не призовет опять лазоревых видений!

1891

Царевич Алексей Петрович в Неаполе

Графу П. И. Капнисту

1

К окну он подошел в мучительном сомненье;
В руке – письмо от батюшки-царя;
Но взор рассеянный стремился в отдаленье,
Где тихо теплилась вечерняя заря.

Без волн и парусов залив забыл движенье,
Серебряным щитом меж синих скал горя,
И над Везувием в лиловом отраженье,
Как тучка, дым играл отливом янтаря.

И Алексей смотрел на мягкий блеск природы,
На этот край чудес, где он узнал впервой,
Что в мире есть краса, что в жизни есть покой,

Спасенье от невзгод и счастье свободы...
Взбешен молчанием, Толстой за ним стоял
И губы до крови, томясь, себе кусал.

2

В невольном, сладком сне забылся Алексей...
И вот его опять терзает речь Толстого:
«Вернись, вернись со мной! Среди чужих людей
Позоришь ты царя, отца тебе родного:

Но кара, верь, тебя с наложницей твоей
Найдет и здесь. Вернись – и с лаской встретит снова
Он сына блудного. Простит тебе... и ей!
В письме державное на то имеешь слово».

И пред царевичем знакомый призрак встал
Как воплощенный гнев, как мщение живое...
Угрозой тайною пророчило бывшее:

«Не может он простить! Не для того он звал!
Нещадный, точно смерть, и грозный, как стихия,
Он не отец! Он – царь! Он – новая Россия!»

3

Но сердце жгли глаза великого виденья;
Из гордых уст не скорбь родительской мольбы,
Казалось, лилась, – гремели в них веленья,
Как роковой призыв архангельской трубы.

А он, беспомощный, привычный раб судьбы,

В те быстрые, последние мгновенья
Он не сумел хотеть – и до конца борьбы
Бессильно пал, ища минутного забвенья.

«Спаси, о господи! помилуй мя, творец!» —
Взмолился Алексей, страдальчески вздыхая,
Потом проговорил: «Я покорюсь, отец!»

И на письмо царя скатилась, сверкая,
Горючая слеза... Какой улыбкой злой,
Улыбкой палача, торжествовал Толстой!

1891

Венере Милосской

От этих людных зал к старинной мастерской
Назад, во тьму времен, летит воображенье...
Художник там стоит в надменном упоенье,
Резец свой уронив, богиня, пред тобой.
Не нужен боле он: заключено рукой
В оковы стройных форм бесплотное виденье,
И в сердце, – где, как вихрь, носилось
вдохновенье, —
Привольно ширится восторженный покой.
Но, глядя на тебя, тот гений величавый,
Чье имя злобное рок жестоко скрыл от славы,
О, все ли счастье свое он признавал?
Шептало ли ему пророческое чувство,
Что навсегда тобой он победил искусство,
Тобой, о красоты безгрешный идеал?

1891

Серый сонет

Вчера с вечернею зарей,
С последней, красной вспышкой света,
В зловещих тучах над землей
Печально умирало лето,

И осень с бледною луной
Взошла – и пел ей до рассвета,
Всю ночь в листве еще густой
Изменник-ветер песнь привета.

Сегодня в небе нет лучей,

И дождь, дождь льется безнадежно,
Как слезы скорбных матерей!

И в этой тихой мгле безбрежной,
Смотри, к краям весны мятежной
Летит станица журавлей!

1893

Сатана

Однажды пролетел по аду вихорь света, —
И ожил вечный мрак, ликуя, как слепец,
Прозревший чудом вдруг неожиданный блеск
рассвета,
И стону вечному мгновенный был конец.

С улыбкой кроткою небесного привета
Пред Сатаной стоял божественный гонец
И рек: «Несчастный брат, тяжелого запрета
Снимает иго днесь вселюбящий отец.

Смирись! К ногам его, к престолу всепрощенья,
С раскаяньем твоим, как с даром, полечу,
И ад не будет ввек, не будет ввек мученья!»

Ответил Сатана со смехом: «Не хочу!»
И весь погибший люд, все жертвы искушенья
Владыке вторили со смехом: «Не хочу!»

1893

Мать Сыра Земля

Я – Мать Сыра Земля! Я – гроб и колыбель!
Поют мне песнь любви все голоса творенья —
Гроза, и соловей, и море, и метель,
Сливаясь в вечный хор, во славу возрожденья, —

Живит меня Перун, меня ласкает Лель;
Из недр моих к лучам и радости цветенья
Стремится тонкий злак и царственная ель,
И мне, о человек, неведомы мученья.

Неутомимая, всех любящая мать,
Могла б я всем равно в довольстве счастье дать...
И зло не я, не я, благая, породила!

Незыблемый покой усталому суля,
Для бодрого всегда надежда я и сила!
Я – гроб и колыбель! Я – Мать Сыра Земля!

1894

Мерцана

Когда по вечерам меж летом и весной
Ты видишь, как в глуби лилового тумана
Зарницы ранние играют над землей,
Не верь, что это тень Перуна-великана!

Не верь! С небес тогда, в начальный час ночной,
Нисходит кроткая богиня нив, Мерцана,
К полям, где ширятся надеждой дорогой
Хлеба зеленые, как волны океана.

Она летит, летит – и край воздушных риз,
Скользя чуть-чуть по ним, легонько клонит вниз,
Как будто с ласкою, колосья молодые;

И с той поры гроза те нивы обойдет,
И град их пощадит, не тронут черви злые,
И солнце яркое до жатвы не сожжет.

1895

Велес

Я – Велес, мирный бог. Меж спящих стад дозором
Незримый я хожу, чтоб отвращать недуг
И чары хитрых ведьм, пока дымится луг
И звезды ночь пестрят серебряным узором.

Когда исчезла мгла перед Дажьбожьим взором,
Там рею ветерком, где, человека друг,
Спокойный, добрый вол влачит тяжелый плуг —
И доблестным его люблюсь я позором.

Иль от коров порой я пастуха маню
Под зыбкий свод ветвей—и тихо запою...
Он думает: над ним листва шуршит лесная;

Но песенки мои таинственной мечтой
В душе его звенят, и он поет, не зная...

И вещия слова хранит народ родной.

1895

Лад

Нет! Лад не ведает осмеянных страданий,
И клятв непризнанных и невозможных снов, —
И чужд ему позор преступных упований,
И счастья тайного, как умысел воров.

Он бог иной любви, он бог иных лобзаний,
Веселый, добрый Лад, — бог свадебных пиров,
И песен радостных, и честных обещаний,
Краснеющих невест и пылких женихов!

Подслушал Лад весной, что у плетня шепталось
По сизым вечерам, — и надоумил свах,
Чтоб не напрасно цвел цветок любви в сердцах,

Чтоб племя сильное спокойно умножалось
От синих южных волн до белой цепи льда
На лоне русских нив для славы и труда.

1895

Перун

Чего-то ждет земля... Нет вечного шуршанья
Меж золотых хлебов; утих шумливый лес,
И в душном воздухе нет песен, нет сиянья...
Вдруг вихорь налетел... и вдруг исчез,
И стала тяжелой истома ожиданья...
Но где-то на краю чернеющих небес
Сверкнула молния, — порывом ликования
Веселый грянул гром, и ветер вновь воскрес...
И туча двинулась... несется ниже, ниже,
Как будто льнет к земле... Все чаще и все ближе
Блится молния, грохочет громче гром...
Царь — богатырь Перун, монарх лазурной степи,
К любовнице спешит во всем великолепии —
И к ней на грудь упал с нахлынувшим дождем.

Дажь-бог

Средь бледной зелени приречных камышей
Белела дочь Днепра, как чистая лилея,
И Дажь-бог молодой, любовью пламенея,
С своих пустых небес безумно рвался к ней.
Горячей ласкою скользил поток лучей
По телу дивному,— и, сладостно слабея,
Она, предчувствуя объятья чародея,
Еще боясь любви, уж радовалась ей!..
Но стала вдруг кругом прекраснее природа;
Свет ярче искрился и зной страстней дышал...
Русоволосый бог с безоблачного свода
На деву тихих вод, ликуя, налетал, —
И мать своих детей, мать русского народа,
Он, наконец обвив, впервой поцеловал!

Стрибог

Есть черная скала средь моря-океана:
Там Стрибог властвует, и внуков-бегунов
Он шлет оттуда к нам с дождями для лугов,
С грозой, с вьюгами, с покровами тумана...
Тот вторит хохоту Перуна-великана,
А этот голосит тоскливей бедных вдов;
От рева старшего гудит вся глушь лесов,
А песни младшего нежней, чем песнь Баяна...
Но на своей скале в равнине голубой
Горюет старый дед, взирая вдаль сурово:
Могучие уста закованы судьбой...
А лишь дохнул бы он!—летели бы дубровы,
Как в летний день в степи летит сухой ковыль,
И от высоких гор стояла б только пыль!

Ярило

Идет удалый бог, Ярило-молодец,
И снежный саван рвет по всей Руси широкой!
Идет могучий бог, враг смерти тусклоокой,
Ярило, жизни царь и властелин сердец!
Из мака алого сплетен его венец,
В руках зеленой ржи трепещет сноп высокий;
Глаза, как жар, горят, румянцем пышут щеки...
Идет веселый бог, цветов и жатв отец!
Везде вокруг него деревья зеленеют,
Пред ним бегут, шумят и пенятся ручьи,
И хором вслед за ним рокочут соловьи.

Идет он, светлый бог! – И села хорошеют!
И весь лазурный день – лишь смех да песни там,
А темной ноченькой уста все льнут к устам!

Навий день Радуница

Ярило кликнул клич, – и зерна под землей
Проснулись, и поля ковром зазеленели.
К касаткам в дивный край, где зреет рожь зимой,
Донесся вешний зов, – касатки прилетели!
Промчался дальше он! И в этой мгле седой,
Где в вечном холоде чудовищной метели
Тоскует мертвый люд по горести земной,
Он резко прозвенел, как ночью звук свирели!..
И стала от него Морена вдруг без сил,
И вихорь душ к земле и к жизни улетает,
Назад к земле, где смерть Ярило победил,
К земле, где в Навий день народ среди могил
С радушной песнею покойников встречает
От золотой зари до золотых светил.

Солнце и месяц

«Скажи-ка, Солнышко, сестрица дорогая,
Скажи-ка, отчего вечернею порой
И ранним утром вновь, под яркою фатой
Краснеешь ты всегда, как девушка земная?»
Ой, как же не краснеть, как девушка земная,
Мой белый богатырь, мой братец дорогой?
Ведь полюбил меня красавец царь морской
И вечно с шутками преследует играя!
Пред ночью, перед днем я проходить должна
Вдоль синих волн его... дорога мне одна!..
То встретит он меня, ласкаясь с песней нежной,
И хочет целовать, – то, спрятанный на дне,
Вдруг пеною в меня он плещет белоснежной...
И дерзкого, увы, так стыдно, стыдно мне!

Прометей

Уж ночь близка. – И, хоть Казбек сияет ясный,
Белея девственной вершиною своей,

В долинах гуще тень, и коршун средь лучей
Над ними высоко кружится странно-красный...
От солнца ли?.. Увы, судьбе, как ты, подвластный,
Он кровью, может быть, весь обогрен твоей,
О, дивный мученик, великий Прометей!
И, сытый, до зари покинул пир ужасный!
Откуда путь его? к какой скале седой,
Титан, прикован ты?.. Нет! тайны роковой
Не выдаст никогда тюремщица-природа!
И нам не знать, с каким терпеньем вещей взор
Веками долгими глядит от этих гор
Туда, где, знаешь ты, забрезжила свобода!

Японская фантазия

Апрельская лазурь, как озеро без дна,
Сквозь ветви белые цветущих слив ясна,
И треугольником последняя станица
Усталых журавлей в лучах чуть-чуть видна.

К Зеленой Пагоде вся ринулась столица;
Но тут, под тенью слив, Нипонская княжна,
Забыв, что бонзы ждут, что ждет императрица,
Глядит, как в синеве плывет за птицей птица.

Откуда их полет? – не из страны ль духов,
Из этих яшмовых, волшебных островов,
Которых царь придет, любви живая сила,

И унесет ее средь молний и громов?..
Зачем же медлит он? – Душа по нем изныла!
Гадальщица давно, давно его сулила!

1895

Декабрь

Снег, только снег кругом, – на сотни верст кругом!
И небо серое над белою землею!
Чудовищная тишь. Не борется с зимою
Природа севера в потоке снеговом, —

Без грез о будущем, без грусти о былом
Стремясь беспомощно к мертвящему покою.
Но маленькой чернеющей змеєю
Там поезд вдалеке скользит в дыму седом,

Скользит, свистит, исчез!.. и нет нигде движенья,
И шума нет нигде... и, жажда лишь забвенья,
Равнины сонные готовы вновь заснуть, —

Быть может, радуясь, что богатырка-вьюга
Еще надолго к ним с восторженного юга
Волшебнице-весне закроет синий путь.

1895

Наливка

За хатою вишняк едва зазеленеть
Успел, как весь покрылся он цветами.
Казалось, цветы воздушными рядами,
Как бабочки, в лучи стремились улететь.

Но наступал Июнь, и гуще стала сеть
Трепещущих теней меж гладкими стволами,
И свежий, сочный плод под легкими листьями
Чудесным пурпуром стал дерзостно алеть.

Затем... Затем годов промчались вереницы,
И вишен сок бродил в тиши своей темницы,
Как в сердце молодом кипит и бьется кровь.

Теперь свободен он – и лучше, крепче, краше,
Пьяней и веселей, он солнце видит вновь —
И вот его, мой друг, я пью за здравье ваше!

1895

К...

Не верь, не верь толпе! Не умер Аполлон.
Да! Старый мир погиб, и затопляет Лета
Руины славные, где зову нет ответа;
Пустынною скалой чернеет Геликон...

Но в их святой пыли наш новый мир рожден!
Ужели божеством спасительного света
В чудесном зареве грядущего рассвета
На радость новых лет не пробудится он?

Жизнь бьет ключом теперь, но, робкие невежды,
Не видим мы еще поэзии надежды

В эпической борьбе природы и труда.

Явись, о вещий бог! Не зная сожалений,
Не веря смутным снам и грезам без стыда,
Ты новый гимн найдешь для новых упоений!

1895

Андрей Шенье

О, если бы во дни, когда был молод мир,
Родился ты, Шенье, в стране богов рассвета,
От Пинда синего до синего Тайгета
Была бы жизнь твоя – прелестный долгий пир!

При рокоте кифар и семиструнных лир
Венчали б юноши великого поэта,
И граждане тебе, любимцу Музагета,
В родимом городе воздвигли бы кумир.

Но парки для тебя судьбу иную пряли!
И ты пронесся в ночь кровавых вакханалий
По небу севера падучею звездой!..

Как греческий рапсод, ты страстно пел свободу,
Любовь и красоту бездушному народу
И умер перед ним, как греческий герой.

1895

Чехарда

Царю тринадцать лет. Он бледен, худ и слаб.
Бойтся пушек, гроз, коней и домового,
Но блещет взор, когда у сокола ручного
Забьется горлица в когтях зардевших лап.

Он любит, чтоб молил правитель-князь, как раб,
Когда для подписи уж грамота готова;
И часто смотрит он, не пророня слова,
Как конюхи секут сенных девиц и баб.

Однажды ехал он, весной, на богомолье
В рыдване золотом – и по пути, на всполье,
Заметил мальчиков, игравших в чехарду...

И, видя в первый раз, как смерды забавлялись,

Дивился мальчик-царь: и он играл в саду
С детьми боярскими, но те не так смеялись.

1895

* * *

Родился я, мой друг, на родине сонета,
А не в отечестве таинственных былин, —
И серебристый звон веселых мандолин
Мне пел про радости, не про печали света.

На первый зов мечты я томно ждал ответа
Не в серой тишине задумчивых равнин, —
Средь зимних роз, у ног классических руин,
Мне светлоокий бог открыл восторг поэта!

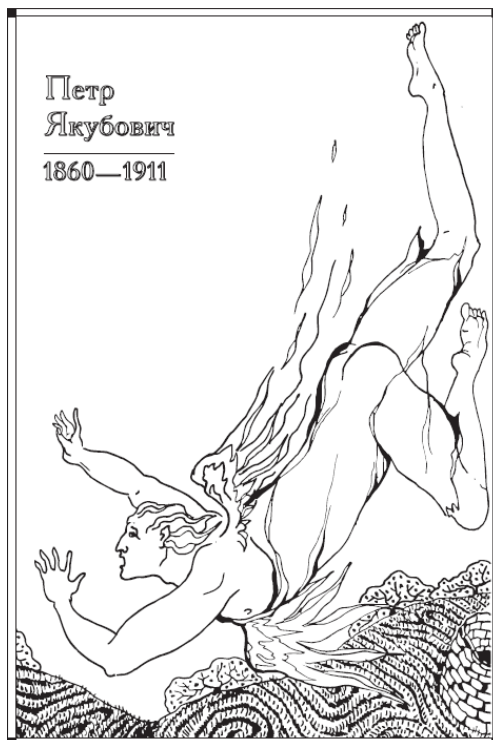
Потом... не знаю сам, как стало уж своим
Все то, что с детских лет я почитал чужим...
Не спрашивай, мой друг! Кто сердце разгадает?

В моей душе крепка давнишняя любовь,
Как лавры той страны, она не увядает,
Но... прадедов во мне заговорила кровь.

1895

Петр Якубович

Из Сюлли-Прюдома

Затерявшийся крик

Игрой мечты ушел я в глубь веков
И вижу юношу: болезненный, печальный,
Возводит он с толпой других рабов
Хеопсу мавзолей пирамидальный.

Вот он несет на согнутой спине
Чудовищный гранит.
Дрожащая походка...
Глаза глядят страдальчески и кротко...
И страшный крик раздался в тишине!

Тот крик потряс весь воздух, строй эфира,
Дошел до звезд – и там, за гранью мира,
Все вверх идет в пространстве вековом.

Он ищет божества и правды бесконечной...
Прошли века. Гигант остроконечный
Над деспотом стоит в величии немом!

1880

Раны

Со стоном падает в сражении солдат.
Его возьмут, забрызганного кровью,
В больницу отвезут и рану заживят.
И в ясный день поддельному здоровью

Он верит, как дитя... Но с запада сырой
Подует ветер вдруг, и в облаках тумана
Потонет солнца блеск, – и вновь заныла рана!
И веры нет в душе его больной!

Так прихоть времени всеильна; так, порою,
На месте, где душа поражена судьбою,
Я плачу, воскресив забытую печаль.

Слеза, печальный звук, одно пустое слово,
Иль тучка в небесах, – как луч, осветят снова
Погибших лет затерянную даль!

1880

Крылья

Ребенком, крыльев я у бога все молил
И рвался к небесам неопытной душою.
Там все торжественной дышало тишиною —
Мой детский вопль туда не доходил.

Желанием борьбы, желанием простора,
Широкого, как мир, душа была полна...
Прошли года – и что ж? По-прежнему ясна,
Заманчива лазурь для любящего взора.

Но нет в душе моей старинного огня!
О, кто ж ты, демон зла, карающий меня,
Сильней дающий мне познать ярмо бессилья?

Жестокий! Для чего ты дал спине моей
Гнетущие к земле громадностью своей
И все трепещущие крылья?..

1880

Могила

Его сочли бездушным мертвецом.
Но он проснулся. Рот окостенелый
Хотел кричать, но крик его несмелый
Был заглушен каким-то потолком.

И в странной пустоте, холодной и бездонной,
Без звуков, без лучей, лежит он одинок,
Тревожно слушая... Испуганный зрачок
Пронизывает мрак безжизненный и сонный.

Кругом царит загадочный покой...
Вот хочет он привстать... и – ужас! – головой
Ударился о доски гробовые!

Усни и ты, душа моя,
Не плачь, не рвись в небесные края,
Чтоб цепи не почувствовать земные!

1880

На башне

На башне, в поздний час, ученый наблюдал,
Как звездный хор торжественно и смело
Свой вечный путь в пространство направлял;
А утро в бесконечности белело.

Он вычислял... Средь золотых миров
Комета встретилась внимательному взору,
И грозному он молвил метеору:
«Ты вновь придешь чрез столько-то веков!»

Звезда придет, веленье исполняя,
И обмануть не сможет никогда
Науки вечной, в вечности блуждая!

Пусть человечество исчезнет без следа:
На башне бодрствовать упорно и тогда
Ты будешь, Истина святая!

1882

Данаиды

Не ведая покоя, ежечасно
Они бегут с кувшинами толпой
То к бочке, то к колодцу, но – напрасно!
Им не наполнить бочки роковой.

Увы! Дрожат слабеющие руки,
И, онемев, не движется плечо...
Пучина страшная! Конец ли нашей муке?
Неумолимая, чего тебе еще?

И падают они, идти уже не в силах...
Но младшая из всех в сестер своих унылых
Умеет прежнюю уверенность вдохнуть.

Так грезы и мечты бледнеют, разлетаясь,
А юная Надежда, улыбаясь,
– О сестры, говорит, пойдёмте снова в путь!

1899

Из Шарля Бодлера

Цыгане в пути

Провидящий народ с огнем во взорах смелых
В путь тронулся вчера в немую глубь степей,
Закинув за спины малюток загорелых,
Прижавши их к сосцам цветущих матерей.

Мужья идут пешком вблизи телег скрипучих,
Где семьи скучены, с кинжалом при бедре,
Задумчиво следя цепь облаков летучих,
Умея тайный смысл постигнуть в их игре.

Сверчок, завидев их из глубины зеленой,
Одетых пылью трав, заводит гимн влюбленный.
К бездомным странникам Природа-мать нежней:

Струится светлый ключ из почвы каменистой,
В пустыне стелется ковер цветов душистый —
Для них, читающих во мгле грядущих дней!

Между 1885 и 1893

Мятежник

Разгневанный Ангел, орлом с высоты

Низринувшись, мощной рукою хватает
За чуб нечестивца и грозно вещает:
«Я – ангел-хранитель! Раскаешься ль ты?

Знай: должно любить без гримасы печальной
Убогого, злого, хромого, слепца,
Чтоб вышить из этой любви без конца
Для ног Иисуса ковер триумфальный.

Любовь такова... Полюби же теплей —
И будет блаженство наградой твоей,
Блаженство, которое ввек не наскучит!»

И Ангел добра, прибегая к бичу,
Рукой исполина отступника мучит.
А тот отвечает одно: «Не хочу!»

1898

Великанша

В те дни, когда цвела Природа красотой,
Чудовищных детей в восторгах зачиная, —
Я б жить хотел у ног гигантши молодой,
Как кот изнеженный, ярма забот не зная;

Следить, как, ужасы в забаву превратив,
Растет она душой и зреет мощным станом,
Угадывать страстей бунтующих порыв
В глазах, увлажненных всплывающим туманом.

Величьем форм ее я услаждал бы взор,
По склонам ползал бы ее колен огромных
И в час, когда бы зной, пора желаний томных,

Ее, усталую, по полю распростер,
В тени ее грудей дремал бы я небрежно,
Как у подошвы гор поселок безмятежный.

1901

* * *

Часто с любовью горячей, со страстью мятежной
Рвусь я к тебе, моя милая... Строго,
Властно царит надо мною твой образ... Так нежно
Так беззаветно люблю я, так много!

Столько сказать я тебе, как сестре и как другу,
В эти минуты хочу... Все сердечные раны

Рад обнажить, чтоб развеять туманы,
В сердце смирить беспокойную вьюгу!

Что за дитя – человек!.. Повстречавшись, сурово,
Кратко и холодно мы говорим и порою,
Сами не зная зачем, ядовитое слово
В сердце друг другу вонзаем с тоскою...

Слезы глотая, ломаю я руки...
Муки любви, вы, безумные муки!

1883

* * *

Поэтов нет... Не стало светлых песен,
Будивших мир, как предрассветный звон!
Так горизонт невыносимо тесен,
И так уныл тягучей жизни сон!
И граждан нет... Потоки благородных,
Красивых слов, но... лишь бесплодных слов!
В ненастный день не больше волн холодных
Рокочет у скалистых берегов!
А между тем – все так же небо сине,
Душисты рощи, радужны цветы;
В пучине звезд, в толпе людской, в пустыне
Все столько же бессмертной красоты.
И так же скорбь безмерна, скорбь людская...

.....

30 августа 1896

Семен Надсон

Сонет В альбом А. К. Ф.

Не мне писать в альбом созвучьями сонета —
Отвык лелеять слух мой огрубелый стих.
Для гимна стройного, для светлого привета
Ни звуков нет в груди, ни образов живых;

Но вам я буду петь... С всеведеньем пророка
Я угадал звезду всходящей красоты
И, ясный свет ее завидя издалека,
На жертвенник ее несу мои цветы.

Примите ж скромный дар безвестного поэта
И обещайте мне не позабыть о том,
Кто первый вам пропел в честь вашего рассвета

И, как покорный жрец, на славные ступени
В священном трепете склонив свои колени,
Богиню увенчал торжественным венком...

* * *

Я не зову тебя, сестра моей души,
Источник светлых чувств и чистых наслаждений,
Подруга верная в мучительной тиши
Ночной бессонницы и тягостных сомнений...
Я не зову тебя, поэзия... Не мне
Твой светлый жертвенник порочными руками
Венчать, как в старину, душистыми цветами
И светлый гимн слагать в душевной глубине.
Пал жрец твой... Стал рабом когда-то гордый
царь...
Цветы увянули... осиротел алтарь...

1881

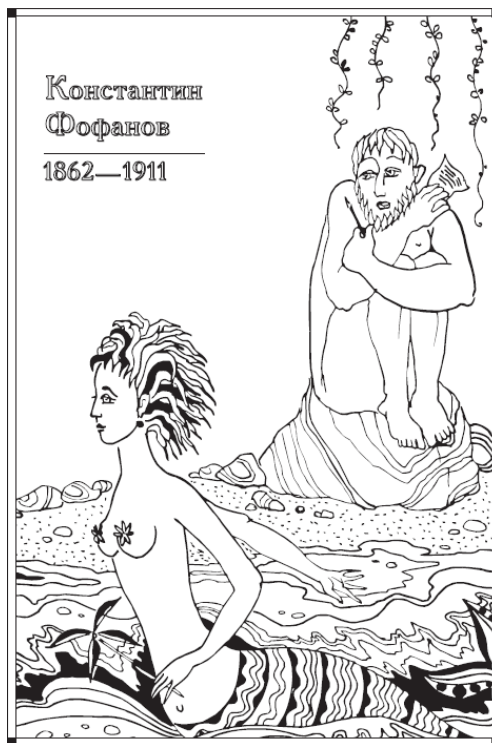
* * *

Ах, довольно и лжи и мечтаний!
Ты ответь мне, презренье ко мне не тая:
Для кого эти стоны страданий,
Эта скорбная песня моя?
Да, я пальцем не двинул – я лишь говорил.
Пусть то истины были слова,
Пусть я в них, как сумел, перелил,
Как я свято любил,
Как горела в работе за мир голова,
Но что пользы от них? Кто слышал их – забыл...

1882

Константин Фофанов

Сонет

Горят над землею, плывущие стройно,
Алмазные зерна миров бесконечных.
Мне грустно, хотел бы забыться спокойно
В мечтаниях тихих, в мечтаньях беспечных.

Молиться теперь бы—молиться нет силы;
Заплакать бы надо – заплакать нет мочи —
И веет в душе моей холод могилы,
Уста запеклися и высохли очи.

Уныла заря моей жизни печальной
И отблеск роняет она погребальный
На путь мой, без радости пройденный путь.

И сетует совесть больная невольно...
О, сердце, разбейся! Довольно, довольно!..
Пора бы забыться, пора бы заснуть!

Сонет

Вторую ночь я провожу без сна,
Вторая ночь ползет тяжелым годом.
Сквозь занавесь прозрачную окна
Глядит весна безлунным небосводом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.